

Глава первая

XVIII ВЕК: ПОЛИЦИЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ

Реформы Петра I взбаламутили Россию до крайней степени и дали мощную подпитку криминальному элементу, главным образом за счет беглых. Бежали со всевозможных «великих строек», бежали помещичьи крестьяне и дворовые, при первой возможности бежали новобранцы... Да кто только не бежал и куда только не бежали! Одни уходили на Дон, где еще держалась старая традиция «с Дона выдачи нет»; находились и такие, что убежали даже к «нехристям» — на башкирские и калмыцкие земли. Но значительная часть беглых оставалась в России. Одни, согласно старым традициям, промышляли на больших дорогах, другие оседали в больших городах — там легче и укрыться, и добывать пропитание, сплошь и рядом методами насквозь несправедливыми. Сплошь и рядом не по испорченности природы или тяге к злодейству. Жизнь заставляла. Петр I ввел в России паспорта —

и некий прообраз прописки, при котором каждый домовладелец обязан был предоставлять властям сведения обо всех, кого принимает на жительство или на работу (за нарушение этого правила наказания полагались невеселые — конфискация имущества и ссылка на галеры). А от куда у беглого паспорт? Его, конечно, можно подделать, но это ведь не всякий сумеет, особенно не владея грамотой...

Одним словом, получалось что-то вроде Чикаго — но гораздо хуже. Сыскной приказ был распущен, борьба с преступностью повсюду возлагалась на воевод, у которых и без того хватало других забот, особенно теперь, когда по стране девятым валом катились реформы и лавиной текли царские указы, порой противоречившие друг другу. К тому же, выражаясь современным языком, катастрофически не хватало ни кадров, ни финансирования. Так что на воевод особых надежд возлагать не стоило...

Поначалу Петр пытался решить проблему с помощью армии (как сплошь и рядом и другие, к военным делам вообще не имевшие отношения). «Романтиков большой дороги» преследовали воинские команды — с переменным успехом, потому что порой разбойничьи шайки были столь многочисленными, что ходили скорее на повстанческие отряды (и иногда происходили сущие сражения). По ночам столицу патрулировали опять-таки армейские кавалеристы.

Если в случае с разбойниками применение военной силы как нельзя более оправданно (иные шайки располагали не только ружьями в приличном количестве, но иногда и пушками), то военные в качестве патрульно-постовой службы — не самая лучшая идея. Некоторая польза от них была (могли, скажем, схватить «ночных портных» на месте преступления или просто спугнуть), но полноценная полицейская служба — это совсем другое...

Некоторым утешением (правда, слабым и сомнительным) служит то, что в Англии в те же времена обстояло в точности так же, если не хуже. Такой вот интересный парадокс: англичане еще в XVI веке создали постоянную спецслужбу, занимавшуюся (и весьма неплохо) заграничной разведкой, контрразведкой и тайным политическим сыском, но вот настоящую полицейскую службу создали отчего-то только в XIX веке, столетия на три отстав в этом от большинства европейских стран, в том числе и России.

В городах с наступлением темноты улицы патрулировала так называемая «ночная стража», в основном состоявшая из стариков, «вооруженных» лишь фонарями, трещотками и посохами. Толку от них, в общем, не было никакого. Горожане язвили: своими фонарями «стражники» лишь освещают дорогу преступникам, а трещотками оказывают еще большую услугу: вышедший

на промысел мазурик прекрасно знает, где проходит сторож, и тихонечко это место обходит.

В сельской местности обстояло немногим лучше. Основной административной единицей в Англии, так уж исторически сложилось, был церковный приход. Приходские власти занимались не только церковными делами, но и решали множество, как сказали бы мы сегодня, административно-хозяйственных задач. В том числе и боролись с преступностью. Сводилось это к тому, что из числа прихожан набирали на год определенное количество «констеблей» (имевших мало общего с констеблями XIX века), которым и предстояло отлавливать всевозможный уголовный элемент — причем совершенно бесплатно. Конечно, находились любители экстрима, которым гораздо интереснее было гоняться за ворами-разбойничками, чем заниматься скучными хозяйственными делами, но вряд ли их было много. В массе своей констебли, что неудивительно, исполняли «обязаловку» спустя рукава. Благо еще в 1816 году можно было купить особый документ — своего рода индульгенцию, на всю жизнь избавлявшую от службы в констеблях. Вот только стоила эта бумага 25 фунтов — по тем временам сумма крайне серьезная, которую могли заплатить лишь особо зажиточные люди.

Вернемся в Россию. В конце концов власти (то есть в первую очередь сам Петр) поняли, что нужна все-таки полиция — как уже говорилось,

в том или ином виде давным-давно существовавшая в большинстве европейских государств. В 1715 году указом Петра была создана Главная полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга. Правда, три года она существовала исключительно на бумаге — как будущий орган управления полицией, которую еще только предстояло создать.

А потому днем рождения российской полиции можно считать 25 мая 1718 года — именно в этот день появился императорский указ, в котором впервые прозвучало слово «полиция» и был назначен Санкт-Петербургский генерал-полицмейстер, которому и подчинили помянутую канцелярию. Им стал уже упоминавшийся в одной из прошлых книг Антон Мануилович Девиер (Девьер), один из любимцев Петра, его бывший денщик.

С самого начала «хозяйство Девиера» было поставлено в исключительные условия — выведено из системы государственного управления. Девиер не подчинялся генерал-губернатору столицы, всесильному Меншикову. Правительствующему Сенату, правда, подчинялся, но исключительно в хозяйственных делах: как-либо распоряжаться делами Канцелярии господ сенаторы не могли. По сути, Петр создал очередную силовую структуру, замкнутую лично на него.

Он же самолично составил и знаменитые «Тринадцать пунктов» — первый в России устав

полицейской службы, который я приведу здесь целиком, — вполне возможно, многим любителям истории это будет интересно (а остальные могут пропустить и читать дальше).

«1. Смотреть, чтобы все строение было регулярно построено по Его Царского величества указу; печи, камели (камины. — *А. Б.*) и трубы печные были бы также по указу, чтобы никакое строение за линию не выходило; чтобы улицы и переулки были добры и изрядны.

2. Чтобы берега рек и протоков, а также сточные канавы были хорошо украшены, дабы весною и в дожди землю их не заносило и чтобы вода нигде не останавливалась.

3. Чтобы улицы и переулки содержались в чистоте, были бы сухи и чтобы проезд по ним был нетруден.

4. Чтобы шалашей по проезжим дорогам и у мостов близко не ставили и покрывали бы их холстом, а не рогожами.

5. Чтобы торговцы не продавали съестных припасов недоброкачественных, а тем более вредных для здоровья; чтобы меры и весы были верные, и чтобы цены на съестные припасы обьявлялись умеренными.

6. Наблюдать за чистотою улиц, переулков, рядов (торговых. — *А. Б.*) и мостов и каждому жителю поставить в обязанность держать в чистоте улицу перед своим двором, убирать сор и

отвозить его в указанное место, но отнюдь не в реку; виновных подвергать жестокому штрафу.

7. Прекращать всякие ссоры на улицах и рынках, арестуя виновных и отсылая их в надлежащий суд с их допросами и делом.

8. Всякую четверть года осматривать печи, камели, в поварнях очаги и прочие места, где водится огонь, и предостерегать хозяев, чтобы с огнем обращались осторожно.

9. Искоренять подозрительные дома, как-то: шинки, игорные дома, притоны разврата.

10. Гуляющих и слоняющихся людей (бомжей, по-современному. — *А. Б.*), а также нищих арестовывать и допрашивать; буде же кто в допросе со словами своими не сходен явится, определять в работу.

11. Наблюдать, чтобы хозяева немедленно давали знать полиции о всяком приезжающем к ним на жительство и отъезжающем, а также о найме работников из гулящих людей; виновных хозяев ссылать на галеры с отобраением всего имущества.

12. Для охранения от воров и пожаров определить со дворов караульчиков. Против воров надлежит иметь какое-нибудь оружие, а на случай пожаров ведра, топоры, войлочные щиты, лестницы деревянные, трубы, а в некоторых сборных местах крюки, паруса (паруса набрасывали на горящее здание, смочив водой. — *А. Б.*) и большие водоливные трубы. По ночам кара-

ульщики должны ходить с трещотками. А для лучшего способа к пойманью и пресечению проходов воровских и против непотребных людей сделать по концам улиц шлагбаумы, которые спускать по ночам и иметь при них караулы с ружьями.

13. Для лучшего наблюдения за выполнением предписанного семи пунктами назначения иметь в каждой слободе или улице старосту и с каждых десяти дворов десятского из тех же жителей с тем, чтобы каждый за своим десятком накрепко смотрел, чтобы чего не случилось противного запрещению, и, если за кем что усмотрят, о том тотчас объявлять старосте, а этот полицмейстеру. Также учинить распорядок между жителями, кому с каким пожарным оружием являться на пожары».

Тот, кто прочел документ внимательно, согласится: тогдашней полиции не позавидуешь. Кроме борьбы с преступностью, на нее взвалили (другого слова и не подберешь) кучу функций, которые сегодня выполняют немало организаций, к полиции отношения не имеющих: пожарные, санитарная и торговая инспекция, коммунальные службы. Как они только со всем этим справлялись? А ведь справлялись как-то — у Петра не забалуешь (известны случаи, когда и Девиеру, подобно многим другим высшим сановникам, приходилось получать не только словесную выволочку — и по нему иногда прогу-

ливалась знаменитая петровская трость, больше похожая на дубину).

Уже в следующем, 1719 году для служащих Главной полицейской канцелярии была введена особая форма: василькового цвета кафтаны с красными обшлагами и воротником, васильковые панталоны и зеленые камзолы, а в качестве головных уборов — «особого вида картузы», круглые и высокие.

В Англии полицейская форма впервые появилась почти девяносто лет спустя — синий мундир и красный жилет. Впрочем, так была обмундирована не полиция, а своеобразный спецназ того времени — особый конно-патрульный отряд, гонявшийся исключительно за грабителями, несколько столетий промышлявшими на больших дорогах вокруг Лондона в немалом количестве. Не зря тогдашние почтари (кучера и почтальоны) были вооружены, непременной принадлежностью частной кареты считался ящик для пистолетов, а любой путешественник, имевший к тому возможность, вооружался шпагой и парой пистолетов. (Кстати, идея оказалась неплохой: конно-патрульный отряд буквально за несколько лет с грабителями покончил, правда, безопасными стали только окрестности Лондона, а в «глубинке» сухопутные «джентльмены удачи» резвились еще какое-то время.)

Ну а в создании полиции Россия опередила Англию на целых сто одиннадцать лет. Еще в

1750 году знаменитый английский писатель Генри Фильдинг, по совместительству крупный судейский чиновник, организовал некое подобие полиции, так называемых «ловцов с Боустрит». В состав этой конторы входили и сыщики, выслеживающие преступников, и ночная патрульная служба, правда, к 1800 году состоявшая всего из 58 человек и ходившая дозором лишь по центральным улицам Лондона. Капитаны были вооружены карабинами, парой пистолетов и саблей, рядовые — только саблями. Формы они опять-таки не носили. Лишь в 1829 году в Лондоне появилась столичная полиция. Знаменитое прозвище «бобби» полицейские получили тогда же — в честь секретаря внутренних дел, а потом и премьер-министра сэра Роберта Пиля, как раз и «пробившего» в парламенте акт о создании полиции. «Бобби» носили синие мундиры и... цилиндры, лишь через несколько лет замененные шлемами.

Вернемся в Россию. Уже в 1720 году в Санкт-Петербургской полиции служили 10 офицеров, 20 унтер-офицеров и 160 рядовых (при тогдашнем населении столицы в 120 000 человек, пожалуй, что и маловато).

Служилось, надо сказать, трудненько — и не только из-за малого числа полицейских и большого объема возложенных на них функций. Как и «приходские констебли» в Англии, старосты, ночные караульщики из обывателей и десятские

за свои труды не получали ни копейки, а потому особенно себя и не утруждали. Человеческая природа везде одинакова, что в Англии, что в России. Как говаривал великий певец Федор Шаляпин, «бесплатно только птички поют»...

Впрочем, и состоящие на службе люди Девиера, хотя и должны были получать то же жалованье, что и военные, но это — в теории. А на практике полицейские оказывались голыми и босыми — не в переносном, а в прямом смысле слова. Девиер, конечно, был сановником в высоких чинах, оставался любимцем Петра до самой смерти царя, но ни чинами, ни царской милостью сыт не будешь. Государственные финансы пребывали в самом плачевном состоянии — деньги, как пылесосом, выкачивали и долголетняя война со шведами, и всевозможные «великие стройки», и сиятельные казнокрады вроде Меншикова с кучей последователей (правда, значительно уступавших ему в размахе). Сохранился рапорт Девиера в Сенат о состоянии дел во введенной ему Канцелярии. Там генерал-полицмейстер открытым текстом пишет, что его люди годами не получали ни жалованья, ни обмундирования, ни ружей: «...За босотою и наготою на работы не выходят, а за неимением амуниции на караулы не ходят». Какие меры принял Сенат по этому рапорту, неизвестно, но вряд ли положение особенно уж улучшилось: казна была пуста. Остается только удивляться, как в таких условиях